

рії, какъ только являются революції, завоеванія, междоусобія,—теорія эта ничего не объясняетъ» (VI, 253). «Еслибы,—говорить и еще гр. Толстой,—область человѣческаго знанія ограничивалась однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ, то, подвергнувъ критикѣ то объясненіе власти, которое даетъ наука, человѣчество пришло бы къ заключенію, что власть есть *только слово и въ действительности не существуетъ*. Но,—продолжаетъ онъ,—для познаванія явлений, *кромъ отвлеченного мышленія, человѣкъ имѣетъ орудіе опыта*, на которомъ онъ повѣряетъ результаты мышленія» (VI, 254). Другими словами, для гр. Толстого отвлеченное понятіе есть *только слово*, если понятіе это, такъ сказать, не размѣняется на реальныя явленія, не реализуется въ этомъ смыслѣ. «Наука права,—замѣчаетъ онъ,—можетъ разсказать подробнѣо о томъ, что такое есть власть, *неподвижно существующая во времени* (т.-е. какъ отвлеченное понятіе), но на вопросы историческіе о видоизмѣняющейся во времени власти (т.-е. въ смыслѣ реальнаго явленія), она не можетъ отвѣтить ничего» (VI, 246—247). Поэтому онъ приходитъ къ такому выводу, что отвѣтъ, дѣлающій изъ отвлеченного понятія реальную силу, реальную причину явлений, есть только выраженіе, другими словами, вопроса, приводящее къ логическому *«idem per idem»*. Онъ ставитъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ: «какая причина историческихъ явлений? — Власть.—Что есть власть?—Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо.—При какихъ усло- віяхъ переносятся воли массъ на одно лицо?—При усло- віяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т.-е. власть есть власть»,—выводить отсюда гр. Толстой (VI, 254). Теорія, принимающая власть единичнаго лица за причину события, по его словамъ, «кажется неопровержи-